

АНАТОЛИЙ МУЗИС

Истории с оленями

ИЗ РАССКАЗОВ ГЕОЛОГА

Анатолий Музис
Истории с оленями.
Из рассказов геолога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36305775

ISBN 9785449326638

Аннотация

Я смотрю на обрывистые скалистые берега Витима, на густую щетину тайги в боковых распадках, на зубчатые гребни вершин и одновременно с восхищением во мне нарастает тревога: ущелье, чрезвычайно удобное для гидростанции, все больше и больше представляется мне непроходимым. «Как же здесь пройдут мои олени?» – думаю я.

Содержание

АНАТОЛИЙ МУЗИС	5
ИСТОРИИ С ОЛЕНЯМИ	6
ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ	7
1. На барже. Многообещающая коса. История с оленями	8
2. Отец и сын Болдюсовы. Слабая надежда. Аэровизуалка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Истории с оленями

Из рассказов геолога

Анатолий Музис

Геолог, редактор, составитель Виктор Музис

© Анатолий Музис, 2019

ISBN 978-5-4493-2663-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АНАТОЛИЙ МУЗИС

ИСТОРИИ С ОЛЕНЯМИ

(из рассказов геолога)

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

1. На барже. Многообещающая коса. История с оленями

Катер тянет баржу по Витиму. В переднем отсеке баржи грузы, накрытые брезентом, в заднем – натянута палатка шестиместка. Она должна спасти геологов от дождя и холода. Но сейчас над Витимом солнце. Экспедиционные рабочие сидят на носу баржи и на корме, лежат на крыше кубрика, курят, в бинокль рассматривают берега.

Впереди черный барьер Южно-Муйских гор. Вершины припорошены снегом. Серая глянцевая вода течет спокойно, как масло. С гор по долине Витима, как из трубы, дует резкий холодный ветер. Катер, а за ним баржа, медленно вытягиваются в эту «трубу». Зеленые острова остаются позади, скрываются за поворотом, за скалами, исчезают словно не были. От необъятного синего простора над головой остается только небольшой лоскут. Справа и слева поднимаются высокие отвесные скалы, лоснящиеся как уголь. И вода здесь под стать им – черная, лоснящаяся, чуть отливает зеленью, как бутылочное стекло. Но ее спокойствие обманчиво. Легкая пена. Волна. Баржу покачивает.

– Шивера! – говорит уполномоченный продснаба, сопровождающий грузы на Многообещающую Косу.

Шиверой называют в Сибири небольшие каменистые перекаты. Я киваю головой – мол, понимаю – и смотрю вперед. Там вторая шивера – более мощная. Белые буруны покрывают воду, из которой то здесь, то там высовывают свои обмытые лысины крупные валуны. 150-ти сильный катер «Победит» пытит натружено, выбрасывая из патрубка клубы дыма и копоты. Старшина Иван Суханов выглядывает из рубки. В бинокль мне отчетливо видно его обветренное лицо. Черная форменная фуражка надвинута на глаза. Блестит лакированный козырек, ремешок схватывает крутой крепкий подбородок. Суханов что-то говорит матросу. Тот у борта катера непрерывно проверяет глубину шестом. И не зря. Баржа то и дело толкается днищем о камни. Толкнется, вздрогнет и дальше.

Уполномоченный расстегивает плащ-дождевик, под который поддета меховая жилетка, и продолжает прерванный

разговор.

– Рассказывают, давно-давно пал на землю Золотой Дракон. Голова его пришлась на Аляску, туловище на Колыму, а хвост протянулся до самого Забайкалья. Вот на кончике этого хвоста и расположилась Многообещающая Коса. Кто дал ей такое название? Что она обещала людям? Хвост ли Золотого дракона или несколько волосков с его драгоценной шкуры?.. Когда-то здесь был крупный рудник на золото. Триста домов стояли, а сама-то Коса чуть больше будет, если все эти дома в кучу сложить. Людно было, пока шло хорошее золото. Оскудел рудник, опустела коса. Отдельные старатели перемывали отвалы, но все уже было не то...

– А давно здесь стоял рудник? – спрашиваю я.

– Годов до двадцатых, однако, работали, не более.

– А сейчас что на Косе?

– Продснаб стоит. А еще экспедиция. Здесь сейчас везде экспедиции.

– На золото? – интересуюсь я.

– Есть и на золото. Но золото нынче не главное. На Косе теперь КИП-4 работает.

– КИП-4?

– Да. Комплексная изыскательская партия Сибирского гидропроекта. Ведут изыскания под створ гидро-электростанции. А всего их будет восемь: от Романовки до Мамы...

Так вот оно что! Еще недавно доходившие до нас неясными слухами вести о каскаде Витимских гидроэлектростан-

ций – первая из которых должна дать ток Наминге – на Многообещающей Косе, уже облекается в плоть. За изыскательскими работами ведь недалеко и строительство!

Я оглядываюсь на тесные стены ущелья. Здесь есть что перегораживать. Можно представить себе какую силу обретет поток, когда белое тело плотины высотой в сто пятьдесят метров перегородит ущелье. Вода поднимется и в долине Витима и в его притоках, в верховьях образуются обширные водохранилища...

Я смотрю на обрывистые скалистые берега Витима, на густую щетину тайги в боковых распадках, на зубчатые гребни вершин и одновременно с восхищением во мне нарастает тревога: ущелье, чрезвычайно удобное для гидростанции, все больше и больше представляется мне непроходимым. «Как же здесь пройдут мои олени?» – думаю я.

Я не знал, что от Многообещающей Косы вниз по Витиму нет дороги. Многообещающую Косу мы выбрали как пункт встречи с оленями, потому что отсюда можно было идти не делая холостых переходов.

Мне и сейчас казалось невероятным, чтобы рудники и прииски на Витиме не были соединены дорогами с Муйской котловиной. Но природа часто ставит на пути человека неожиданное. И, на всякий случай, я все же спросил своего всезнающего попутчика-уполномоченного: можно ли берегом попасть из Косы в Спицино. В этом небольшом населенном пункте на северной стороне Южно-Муйских гор я оставил половину своего отряда.

– Попасть-то можно, – не очень уверенно сообщил мне мой собеседник. – Однако, давно уже теми дорогами не пользуются. Летом самый простой и короткий путь это водой; зимой – опять же Витимом по льду.

– Ну, а все-таки, – настаивал я. – Если мне нужно будет пройти берегом? Это возможно?

– Близкой дороги, однако, не будет. Есть тропа западнее Косы через Кедровку на Киндиканский перевал. Выходит она в Муйскую котловину, а там в болотах теряется. Этой

тропой раньше плотогоны ходили. Отведут плоты в Бодайбо, котомку за плечи и обратно в Романовку, через Южно-Муйские этой тропой. Долго шли, – как бы предупреждая мой вопрос добавляет он: – Месяца два, хотя и ходоки были не нам чета – полста километров за сутки отмахивали.

– А по правому берегу Витима, что, совсем нет дорог? – все более тревожась, расспрашивал я.

– На правом берегу вишь Шаман голову поднял. Самая высокая гора. Никто никогда не ходил там, во всяком случае, ничего не известно об этой дороге.

Вот так история! Теперь мне становится понятным, почему на мою просьбу передать каюру Кириллову Иллариону Петровичу распоряжение, чтобы он шел на соединение со мной в Спицино, я получил с Косы непонятный мне тогда ответ: «Желателен Ваш приезд разобраться на месте».

И вот оно это место. Но, кажется, Многообещающая Коса мне ничего хорошего не обещает.

А Витим, тем временем, как будто немного раздвинулся. Берега стали положе, появились террасы и на них домики.

Пока катер причаливал баржу, я разглядел поселок. Он был довольно крупный. На окраине его стояла кузница и мастерские. В центре высились столбы с электрическими проводами. Каркас буровой вышки, перестук движка, лай собак, гуденье моторных лодок...

На берегу мне сообщили, что мои каюры, получив известие о нашем прибытии, перебросили свой табор к Косе и,

видимо, я смогу найти их близ устья реки Тулдунь, что впадает в Витим выше поселка.

Я сразу направился туда.

Илларион Петрович Кириллов с хозяйкой ставили шатер. На каркас из тонких стволов берез, срубленных топором только что, так что еще сочился березовый сок, натягивалось неопределенного цвета полотнище с оконцем для трубы в одной из стенок. Под кустами лежали выючные переметные олени сумы, легкие деревянные с замысловатой резьбой седла, а несколько поодаль – олени.

Дымил костер. Над огнем коптился чайник.

Я поздоровался и представился Кириллову. Он взглянул на меня, как мне показалось, не очень дружелюбно, затем что-то сказал по эвенкийски хозяйке и отошел со мной в сторону.

Мы присели. Он стал набивать трубку, сделанную из кор-

ня.

– Рад познакомиться, – сказал я. – Мы будем работать вместе...

Илларион Петрович Кириллов был почетным оленеводом Среднего Колара. Приземистый, крепкий, с открытым лицом и шевелюрой седых волос. Коммунист, орденосеиц, пенсионер он, ввиду нехватки каюров, сам изъявил желание работать в экспедиции.

И внешне Илларион Петрович производил очень хорошее впечатление. Он, казалось, специально был послан мне, чтобы я мог фотографировать и писать о нем. Почему же он не отвечает на мои приветствия? Почему, хмуро раскуривая трубку, смотрит в землю?

Но вот он заговорил.

– Почему нехорошо делаешь? Зачем гнал оленей на Косу? Я бы в Спицино давно был. Сколько мучений принял. Хозяйка тонула. Я совсем дурной стал. Память терял. Хозяйка тонула бы, я бы тонул, все бы олени тонули... – Вопрос был по существу и ответить мне было нечего.

Радист Петров, сопровождавший при перегоне оленей, уже рассказывал мне, что переход у них был трудный, переправы через горные реки опасные. Что на одной из таких переправ оленя, на котором ехала хозяйка, снесло водой и потащило вниз по реке на камни. Петров рассказывал, как потерявший голову старик метался по берегу, а затем кинулся в воду. Не случись хозяйке выбраться в этот момент на бе-

рег, неизвестно как бы разыгрались дальнейшие события.

И я имел к этим казалось бы далеким от меня эпизодам непосредственное отношение. Это я распорядился гнать оленей на Косу, в то время как оказалось, что нужны они мне были в Спицино. Между Косой и Спицино расстояние небольшое – 25 километров, но попробуй-ка, пройди его. Чтобы попасть из Косы в Спицино нужно было пересечь водораздел Южно-Муйского хребта, а дорог, по крайней мере, близких дорог, не было.

Но, о дорогах речь еще была впереди, а сейчас мне необходимо было как можно терпеливее объяснить каюру почему случилось так, что оленей пришлось гнать на Многообещающую Косу. Я рассказывал ему как в Москве, занятые отчетом за прошлый год, мы не имели возможности познакомиться с районом, о котором, вообще-то, почти не было никаких сведений; что карты мы получили в самый последний момент; что я не знал не только о том, что буду работать в Спицино, но и о том, что существует такое Спицино, где я должен буду встретиться с каюром.

– Так получилось, Илларион Петрович, – говорил я. – Предполагали одно, а получилось другое.

– Как так – получилось! Инженеры, грамотные люди. Надо до начала все знать...

– Теперь-то что об этом говорить, – пытался изменить я разговор. – Давайте думать, как дальше быть... А главное, – говорил я, – нам было сказано, что оленей должен сопровож-

дать радист с радиостанцией. Я не мог в то время в середине мая, прислать ему своего помощника-радиста. Он сдавал экзамены в МГУ. Переход оленей вместе с Петровым я считал обязательным, поэтому они и пришли на Многообещающую Косу.

Упоминание о Петрове еще больше осложнило положение. Оказывается, сам того не ведая, Петров обидел старика, обидел дважды. Во-первых, он понукал каюра всю дорогу, торопил и не дал даже ободрать оленя, который сломал себе ногу. Бросить мясо, не воспользоваться случаем устроить небольшой праздник – было с точки зрения старого эвенка неразумностью, глупостью. Во-вторых, его обидело, что Петров направил его в мой отряд, не посоветовавшись с ним. Илларион Петрович ничего не имел против меня, но «надо было собраться, посоветоваться, решить вопросы вместе».

Я согласился с ним. Я сказал, что да, теперешняя молодежь не имеет уважения к старшим, что, когда мы встретимся в Спицино и пойдем дальше на Сюльбан и Леприндо на Чару, все будет иначе, все будет хорошо. Я соблазнял его боевым карабином, обещал, что переход будет неспешным, что по всем вопросам перехода его слово будет решающим.

Но он все снова и снова возвращался к изначальному положению:

– Зачем сразу не говорил, что надо Спицино? Сюда шел, столько мучений принял. Как обратно пойду, реки большие, ходить через реки никак нельзя...

Как пройти в Спицино было действительно проблемой. Теперь и я понимал это. Но ведь не могло же быть такого положения, чтобы нельзя было попасть из одного населенного пункта в другой. Перед тем как приехать в Забайкалье, мы долгое время работали на Алтае. Там тоже были горы, еще выше и сложнее, чем эти. И ничего, проходили везде. Можно было пройти и здесь – я был убежден в этом, но выбирать путь предстояло не мне. Я мог только советовать.

Попасть из Многообещающей Косы в Спицино можно было тремя путями. Первый – самый короткий, самый простой и самый быстрый, вниз по Витиму на барже. Старый каюр так и говорил: – Доставай баржу, будем оленей рекой плавить. Самое хорошо.

Я и сам знал, что сплавить оленей на барже «самое хорошо». Но если вверх по Витиму нам удалось подняться на барже, то это еще не значило, что вниз у нас получится то же самое. Даже та баржа, на которой мы приплыли, ушла вниз по Витиму порожней, груженую баржу в это время через пороги не плавил. Но даже если 20 оленей и небольшой вес, где взять баржу, тут лодку не добудешь сплыть вниз, не только баржу. Сверху, из-за Многообещающей Косы, вниз в Бодайбо сплавляли сено и достать порожнюю баржу практически не представлялось возможным.

Была и другая дорога – западнее Косы, через Кедровку и Киндиканский перевал. Перевальная тропа выводила через Южно-Муйские горы в Муйскую котловину, но там те-

рялась в болотах. Кроме того, если бы олени пошли по этой тропе, их надо было бы переплывать через Витим у Спицино, а ширина Витима там достигала полукилометра. В то время я еще не знал способностей оленей переплывать любые самые бурные и самые широкие реки и полукилометровая ширина представлялась мне серьезной преградой.

Третий путь был в обход Шамана. Он был удобен тем, что выводил прямо к Спицино; тем, что оленей можно было бы переправить через Витим здесь у Многообещающей косы, где ширина реки не превышала 250 м, где было много людей способных оказать нам помощь. Но на правом берегу Витима, в районе горы Шаман, не было никаких троп. Никто никогда не ходил там, во всяком случае нам ничего не было известно об этой дороге.

Все это я объяснил старому каюру. И когда, казалось бы, обиды старого каюра улеглись, вопрос снова уперся в неразрешимое – как идти?

– Доставай баржу, будем оленей рекой плавить. Самое хорошо, – повторял каюр.

– Нет здесь баржи, – отвечал я. – И некому ее плавить.

– Тогда не знаю, как идти будем, – твердил он.

– Идите через Кедровку. По тропе перевалите через горы, а там пойдете предгорьями. Выйдите к Спицино, а там лодка у нас будет, переплавим и вас и оленей, – уговаривал я его.

Он отрицательно качал головой.

– Дорогу не знаю. Витим широкий, олени тонуть будут.

– Тогда идите в обход Шамана, – говорил я. – Выйдите на старую тропу, которой шли сюда, а там дойдете до тропы через Таксима и на Спицино.

Он снова качал седой головой.

– Дороги за Шаман нет. Таксима вода большая, месяц стоять буду, тонуть не буду.

Ни вправо, ни влево, ни вниз по реке для него дороги не было.

– Но ведь и здесь оставаться нельзя, – взывал я к его разуму.

Он соглашался со мной.

– Шибко худое место. Олени два дня голодом стоят. Скорей идти надо.

Я не знал, что еще можно ему сказать. Я исчерпал весь запас доводов и красноречия и замолчал.

Он также молча курил свою самодельную трубку. Наконец он сказал:

– Завтра доставай лодку, поедem другой берег смотреть. Будем берег смотреть, будем думать.

Хозяйка уже успела поставить шатер. Она была маленькая, сухонькая, подвижная и деловитая. Мне нравились эти люди. Я был доволен и беседой с Илларион Петровичем – все-таки живой человек, а не бездумная деревяшка – и я почему-то верил, что мы договоримся и все будет хорошо.

На следующее утро старый каюр пришел еще до завтрака.

– Поздно спите, – сказал он и тут же спросил: – лодку до-

стали? Давай скорей надо. Олени третий день голодом стоят. Совсем плохо. Ночью привязывал их, назад уходили.

– Давай-давай скорей. Где лодка? – шумел Кириллов.

Еще с вечера я договорился с техником КИП-4 Таюрским, что он поможет нам на этой переправе: у него была своя моторная лодка. Она лежала на берегу – длинная, узкая, 9-метровая. Мы заказывали в Чаре 4-х метровые плоскодонные лодки, но заказывали их вслепую – расчет был только на то, чтобы их можно было перебросить вертолетом «на пустынные дикие берега Угрюм-реки». Но Угрюм-река оказалась не такой уж пустынной, а главное – плоскодонной 4-х метровой лодке здесь нечего было делать. Даже на 9-ти метровых и то не каждый из местных жителей рисковал плыть через шиверы Витима.

И так, перед нами была лодка, пара весел и... Витим. Ширина его у Многообещающей Косы составляла 240 метров,

как будто немного. Воды Витима спокойно и быстро неслись мимо, но один из местных жителей так сказал о течении: – Бывало, плывет чурка. Пока закуришь, оглянешься, а она во-он где, уже чуть виднеется...

А лодка без мотора та же чурка, только с веслами. Но если весла в умелых руках!.. Нанимая в Чите рабочего для своего отряда, я искал человека знающего мотор и привычного к сибирским рекам (мы тогда еще наивно предполагали, что будем плавать по Витиму на 4-х метровой лодке и даже привезли с собой мотор «Стрела»). Все рабочие – крепкие взрослые парни отказывались выслушав меня, а время не ждало. Нужно было получать имущество и вылетать. И тогда я взял молодого паренька Виктора Статкевича. Он знал мотор, плавал по озеру Кенон и был рыболовом-любителем. Виктор оказался человеком смелым.

– А чего тут не переплыть, – спокойно сказал он, глядя на Витим. – Конечно, если кто грести не может...

Вопрос был решен. Скрипнули уключины, лодку подхватило течение... Но Виктор греб уверенно и спокойно и через несколько минут лодка ткнулась носом в противоположный берег. Снесло ее совсем немного.

Илларион Петрович пошел смотреть берега, а Виктор стал выводить лодку вверх по течению. Лодка двигалась медленно-медленно, чуть ли не по сантиметру. Одно неосторожное движение и ее снесло на несколько метров. Снова кропотливая работа веслами. Лодка неуклонно поднимается по реке. Илларион Петрович нагоняет ее. Берег просмотрен, можно плыть обратно. Снова струя подхватывает лодку и, как и в первый раз, она словно птица перелетает через Витим.

– Молодец, Виктор, – хвалю я Статкевича. Он доволен.

Каюр ушел за оленями. Лодку нужно было «давай, давай скорей», но прошло свыше трех часов, пока Кириллов пригнал свое стадо. Олени были маленькие, на вид слабосильные, только рога ветвистые и толстые украшали их головы и у меня было такое впечатление, что оленям тяжело их носить. А как же они будут перевозить наши грузы? Как на них ездят люди? Не успели олени спуститься к воде, как старик снова стал шуметь.

– Давай, давай скорей. Где лодка?

Подошел Таюрский, поставил мотор. Началась переправа. Перед тем, как сесть в лодку Илларион Петрович сказал мне:

– Сначала я плыть буду. Олени на той стороне ловить на-

до, в кучу собирать. Пока буду ловить, ты груз переправь, две лодки. Потом хозяйку – одну. Потом сам приезжай, говорить будем.

– Хорошо, – сказал я.

Хозяйка связала несколько оленей цугом. Илларион Петрович взял веревку, сел в лодку. Таюрский оттолкнул корму от берега. Мы зашумели на оленей. Илларион Петрович потянул за веревку и первый олень вошел в воду. За ним второй, третий... Вот уже все стадо в воде. Течение сносит оленей. Крутой дугой они выгибаются вслед за лодкой. Тарахтит мотор, несколько минут – и лодка, каюр, олени уже на том берегу. Таюрский возвращается в пустой лодке. Мы загружаем ее вещами каюра. Она делает один рейс, второй. На левом берегу остаются хозяйка с двумя собаками и я.

Я нарушаю наказ Иллариона Петровича перевезти хозяйку одну и еду вместе с ней. Старый каюр ждет нас на берегу. Мы садимся на камни и некоторое время молчим. Я жду, что же он мне скажет теперь.

– Вот что, – говорит он мне и показывает пальцем за спину на гору – седую, как его голова, – это Шаман?

– Шаман, – подтверждаю я и хочу достать карту.

– Не надо, – говорит он. – У меня карта вот... – он показывает на свою голову. – Я хотел сказать, буду идти как могу скоро. Плутать не буду. Если в срок не приду, значит на Таксима вода большая. Буду стоять, пока перейти можно будет. Буду один идти. Тебя не возьму. Ты мне только мешать будешь. Жди меня в Спицино. Понимаешь?

– Понимаю, – горю я. – Все правильно.

Мыжимаем друг другу руки.

– Всего хорошего, – говорю я. – До встречи в Спицино.

12 июня вертолет плавно оторвался от Многообещающей Косы и через 10—15 минут так же плавно опустился в Спицино. Долина прорыва Витима через Южно-Муйские горы – тот самый участок, который мы 3,5 часа со скрежетом преодолевали на катере, а без катера последние три дня казался мне совершенно непреодолимым – в мгновение ока оказалась позади. Я не успел даже сделать ни одной записи; мелькнула за стеклом иллюминатора вершина, другая, проплыла под колесом, словно висевшим под окошком, площадка Ивановской Косы и вот уже открылась равнина Муйской впади-

ны и вертолет пошел на посадку.

И, как на Многообещающей Косе, в Спицино так же непривычно видеть этот большой летательный аппарат без крыльев на маленькой лужайке, окруженной кустами и деревьями, около наших палаток и домов поселка. Так не хватало привычной нашему взгляду взлетной площадки, не верилось, что вот эта большая металлическая «стрекоза» может взлететь прямо отсюда с места, где даже человеку негде разбежаться, чтобы подпрыгнуть.

12 июня вертолет плавно оторвался от Многообещающей Косы и через 10—15 минут так же плавно опустился в Спицино. Долина прорыва Витима через Южно-Муйские горы – тот самый участок, который мы 3,5 часа со скрежетом преодолевали на катере, а без катера последние три дня казался мне совершенно непреодолимым – в мгновение ока оказалась позади. Я не успел даже сделать ни одной записи; мелькнула за стеклом иллюминатора вершина, другая, проплыла под колесом, словно висевшим под окошком, площадка Ивановской Косы и вот уже открылась равнина Муйской впадины и вертолет пошел на посадку.

И, как на Многообещающей Косе, в Спицино так же непривычно видеть этот большой летательный аппарат без крыльев на маленькой лужайке, окруженной кустами и деревьями, около наших палаток и домов поселка. Так не хватало привычной нашему взгляду взлетной площадки, не верилось, что вот эта большая металлическая «стрекоза» может

взлететь прямо отсюда с места, где даже человеку негде разбежаться, чтобы подпрыгнуть.

Я стоял около наших палаток в Спицино, как разбуженный. И действительно, ведь еще час назад я мирно спал на Многообещающей Косе, полагая, что если вертолет и прилетит, то не раньше второй половины дня. И вообще я тогда не знал, что такое вертолет.

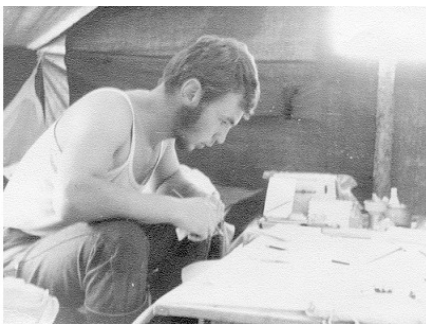

Но чудесная машина улетела, скрылась из глаз, а реальная действительность говорила мне, что мы с Виктором уже стоим в Спицино. Леша Спиркин и Алла Серегина улыбались нам и мы тоже им улыбались. Все-таки как не гостеприимны были Дегтяревцы, а дома лучше. Наш лагерь, наши палатки были нашим домом. Над всеми нами висело доброе июньское небо и мы надеялись, что Илларион Петрович не заставит ждать себя очень долго.

Но уже на следующий день небо посерело, заволклось тучами, пошел дождь. Витим «задурил». Вода поднялась, нача-

ла затоплять берега. Нам пока опасность затопления не грозила, но левый берег был значительно ниже и мы видели, как широкая, желтая, песчаная отмель прямо на наших глазах уходит под воду.

За несколько дней вода в Витиме поднялась примерно на пять метров. Река несла стволы деревьев, коряжины, а у берегов всплывал древесный мусор – щепка, ветви, сучья, кора. Все это сносилось вниз, к черному барьеру Северо-Муйских гор, и можно было представить себе, что там сейчас творилось. Мы видели в I-й Толмачевской и II-й Муйской террасах горизонты с погребенным в илистых наносах подобным древесным мусором. Теперь мы воочию могли видеть, как это происходит. В период паводка вода выносит этот мусор на площадку высокой поймы, а когда паводок спадает, заносит его илом и песком.

Мы сидели в избе у гостеприимных хозяев хутора Спици-

но, слушали рассказы о местном житье-бытье и ждали, когда же кончится непогода. Война на 15 лет задержала развитие края. Теперь он снова оживает. Аэродромы в Муе, Нелятах, Догапчане. Катера речного флота. Зимний тракт по Витиму – колонны машин с грузами на Чару – там медь, на Мую – там асбест, на Тулдуень – там золото. Быть может ниточка, проложенная БАМ-проектом, еще загудит сталью рельс. Быть может в ней заложено одно из решений Удоканской проблемы.

Даже здесь, на далеком хуторе, разговор каждый вечер возвращался к экономическим проблемам края. А дожди не прекращались. Желтую косу отмели на противоположном берегу давно залило. На нашем берегу слышно было бульканье и глухие удары в воде – то Витим перетаскивал крупные камни. И мы стали задумываться, а как там наш Илларион Петрович? Еще когда он уходил, вода в Таксима – притоке Витима – несмотря на хорошую погоду, была большая. Сейчас ее и вовсе не перейдешь. Разве что он успел проскочить ее до дождей?

И вдруг из Чары, через радиста нашей подбазы Червякова, радиограмма с Многообещающей Косы от Дектярева: «Ваши олени не прошли, стоят правом берегу Витима 4 км выше Косы. Что ними делать? Мне они не нужны. Ответ срочно».

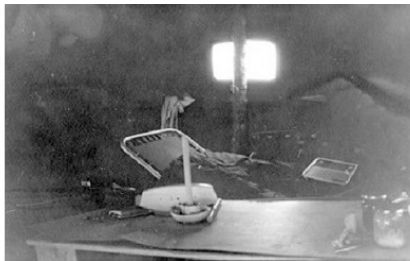
– «Направте оленей перевал через Кедровку выходом Спицино левым берегом Витима, – тут же ответил я. – Пусть станут на берегу не отходя от гор, сигналият костром, встре-

тим, переправим правый берег. Один ваш каюр знает дорогу, возможности пусть проводит до перевала».

Поздно! Связь с Червяковым была 17 июня вечером. Радиограмма, переданная Червякову Дектяревым, датирована 16.VI. В этот же день все люди оттуда вышли в многодневный маршрут. Связь с Многообещающей Косой прервана до 25.VI. Сообщить что-либо каюру можно было только поднявшись на Многообещающую Косу попутным катером. Но что я могу ему сообщить? Чтобы он ждал, пока я не арендую баржу, не ушел домой на Калар. Я полагал, что он и сам догадается об этом. Арендовать баржу было очень трудно.

На всякий случай я послал каюру записку с попутным катером, который шел из Толмачевского на Многообещающую Косу и на минуту остановился в Спицино. Сам же я решил всплыть в Толмачевское и попробовать арендовать в конторе лесхоза катер с баржей. Пока вода высокая он, наверное, не ходит через Парамский порог и относительно свободен, – думал я.

Было воскресенье. Я решил, что в Толмачевское следует ехать после обеда. Там я переночую, а утром зайду в Лесхоз и поговорю с управляющим. Я лежал в палатке, застегнутой на все пуговицы от комаров, – у нас не было пологов, а палатка-маршрутка, если ее застегнуть, выгнав предварительно комаров, становится комаро-непроницаемой. Итак, я лежал в палатке, застегнутой на все пуговицы и ждал, когда наступит обед, а за ним и время выезда.

Вдруг я услышал как по Витиму прошла моторная лодка. Еще не чуя беды я отстегнул застёжки, вылез, снова тщательно застегнул палатку, чтобы в нее не набились комары и пошел в избу. Там меня ждала неожиданная новость. Сын хозяина заимки Герка – его называли так не смотря то, что Герка был женат и имел уже двоих детей, а полное имя его, как я выяснил только вчера, было Георгий, – которому принадлежала лодка с мотором и с кем у меня была договоренность о поездке в Толмачевское, уехал с женой и детьми в Догапчан.

– Как уехал?

– Так. Повез сынишку в поликлинику.

– Но мы же должны были ехать в Толмачевское!

– И то верно, – удивился Геркин отец Павел Иванович. – Как же он, якорь его, не сообразил. Оставил бы детишек в Догапчане, а с вами далее подался бы. Догапчан как раз по дороге в Толмачевское.

Старика огорчило, что его сын не взял меня несмотря на договоренность, а из под меня эта Геркина поездка словно подставку выбила. Старшина проходившего катера, с которым я отправил записку к своему каюру, сообщил мне, что в Толмачевском стоит готовый к отправке в Бомбуйку катер «Гидравлист» и что выйти он должен в понедельник. Значит теперь я упусти его. Хорошо еще если он пойдет наверх с грузом, а обратно порожним – тогда я перехвачу его и на обратном пути он сплавит моих оленей. А если нет?

«Гидравлист» действительно прошел в понедельник, но шел он без баржи за грузом – наверху его ждала груда колец из ивы, заготовленных для связки плотов. Переправить моих оленей старшина катера Степан Суханов, брат Ивана Суханова старшины катера «Победит», не мог.

Мы остались в Спицино без оленей, без моторной лодки (Герка не возвращался), – но зато с кучей нерешенных вопросов. И среди них был один вопрос, который волновал меня не меньше, чем сама аренда катера – вопрос оплаты. Спецрейс катера на Многообещающую Косу и обратно должен был встать в сумму, на которую надо было получить санкцию начальника экспедиции. Я не сомневался, что Потапов разрешит нам арендовать баржу. Я боялся другого – вдруг я приеду на специально арендованной барже, а каюра с оленями не окажется на месте?

Честно говоря, всех нас смущало то обстоятельство, что Кириллов очень быстро вернулся на Многообещающую Ко-

су, а ведь мы договорились, что он выйдет на Таксима и будет стоять, пока вода не упадет. С Косы он вышел 12-го во второй половине дня, а вернулся 15-го вечером. Четыре дня туда и обратно. Такого срока мало для того, чтобы даже умыться в Таксима, не то что рассмотреть переправу. А если он и был у Таксима, то был в хорошую погоду, при сравнительно невысокой воде. Какого дьявола он вернулся обратно?

И Герка и другие люди говорили мне, что старый каюр просто не хочет идти через горы.

– Деньги ему идут, чего не сидеть. Оленям даже лучше, отдохнут как следует.

Разговоры эти казались мне правдоподобными.

Еще в Чите Михаил Израилевич Хахам, побывавший в Среднем Каларе, говорил, что колхоз очень неохотно дал мне оленей – именно мне, потому что я буду работать в районе Муйи, а там в селе Неляты есть свой оленеводческий колхоз. Но вопрос с оленями для нашего отряда был решен положительно и направление ко мне каюром коммуниста орденоносца я рассматривал как хороший симптом. Неужели я ошибся?

2. Отец и сын Болдюсовы. Слабая надежда. Аэровизуалка

Еще когда мы ехали на Многообещающую Косу и по дороге мои помощники Леша Спиркин и Алла Серегина высадились с имуществом отряда у трех домиков, называемых Спицино, я увидел на берегу седого сухопарого старика, который спокойно, даже я бы сказал равнодушно, наблюдал как мы с лихорадочной поспешностью стаскивали свою кладь с баржи на землю.

Объяснить, почему была такая поспешность, трудно. Хотя катер и тянул нашу баржу попутно, но мы ехали не за спасибо, мы платили за переезд, были полноправными пассажирами и могли останавливаться или задерживаться там, где считали необходимым. Но об аренде баржи договаривался Костя Капустин, их партия была основным арендатором, а мы только попутчиками, да и то на полдороги, и Костя по праву и по чину – он, пока не было Дегтярева, считался в их партии старшим, распоряжался переездом. А кто знает Костю Капустина, тот не будет искать логики, разумной логики, в его поступках. А мне и вовсе не надо было искать ее, так как соседство наше было совсем непродолжительным. Но, так или иначе, Костя торопил нас с выгрузкой и я лишь улучил минуту, чтобы поговорить со стариком.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался я. – Вы здесь хозяин?

– Я.

– Мы погостим у вас немного, – сказал я.

– Что ж, – ответил он. – Земля казенная...

– А потом нам понадобится лодка. Можно будет нанять ее, чтобы сплыть с вами вниз по Витиму до Нелят?

– Отчего же нельзя, – все также спокойно ответил он. – Лодка есть, и сплыть можно...

Неугомонный Костя уже дал команду отчаливать и катер стал отваливать от берега.

– Я уезжаю на Косу, – торопливо заканчивал я разговор. – Вернусь, тогда договоримся. Нам лодка нужна будет на несколько дней...

Буксирный канат уже показался из воды, баржа дрогнула, Костя кричал, что если я сейчас же не сяду, то останусь на берегу, и я не дослушав, что мне говорил старик, побежал к барже. Доску-трап придержали, чтобы она не соскочила пока я взбегал по ней – и вот мы уже снова плывем по Витиму, а с берега нам машут Алеша и Алла, да старик провожает нас безучастным взглядом, да маленькая девочка прижалась к его штанине, да еще какая-то старая женщина – видимо хозяйка, жена старика, выглянула в калитку. И все исчезло, скрылось за высокими Муйскими горами, позабылось за новыми впечатлениями, за новыми заботами.

Но вот вертолет перенес меня через горы и плавно опустился на ту самую землю, которую я незадолго до этого так

торопливо посетил и покинул.

На этот раз место это имело уже обжитый вид. Под густой высокой лиственницей стояла Лешина палатка, перечерчивала небо тоненькая паутинка антенны, вещи были аккуратно сложены и накрыты брезентом. Одним словом, я был дома и ощущал настоящий домашний уют. Алла быстро собрала позавтракать, стол накрыли в доме у хозяев. После завтрака Леша посвятил меня в текущие дела. На заимке – будем так называть Спицино, – жила одна семья... Старик-хозяин Павел Иванович Болдюсов; хозяйка – его жена Анна Ивановна, маленькая, приветливая, подвижная, работающая женщина – на ней держалось все хозяйство; их сын Герка – лет 20—25 парень здоровый как бугай, мускулистый, с длинным утиным носом и не менее длинным чубом светлых, чуть вьющихся волос, падавших ему все время на глаза; его жена Дуня – худощавая, смуглая, черноволосая эвенка, женщина крайне молчаливая. У Герки с Дуней было уже двое ребят-шек, названные в честь деда с бабкой – внук Пашкой, внучка Нюркой. Нюре было два года. Лицом она походила на мать и глаза у нее были чуть раскосые, но цвет их и волосы как у отца. Павке было около года. Он еще не ходил, а только смешно ползал, поджимая под голый зад босую ножку. Лицом он походил в отца, но от матери ему достались большие черные глаза. И внук и внучка были дедовы любимцы и, в свою очередь, любили деда больше всех – они вечно терлись около него.

К сказанному надо добавить, что Болдюсовы оказались очень радушными людьми. Они приветливо встречали нас каждое утро, хотя мы могли бы и надоесть им за столь долгое пребывание в Спицино. Алла даже перебралась в избу и ночевала там. Хозяйка учила ее готовить, а вечерами или в ненастье, которого хватало, любила поговорить. Она, правда, выбирала время, когда сына и мужа не было дома и рассказывала подробно, образно, мягко, певуче, на свой особый манер и о теперешнем житье-бытье и о том, каков был этот край, когда они приехали сюда годков этак 25, а то и 30 назад, и что делалось здесь до них в бандитские 20-е годы и старательские дореволюционные времена. Рассказывала она и о себе: жила в Астрахани, на Камчатке – работала на рыбзаводах, но о себе говорила она скупно, неохотно. Когда приезжали свои, она обычно умолкала, становилась еще хлопотливей и только поглядывала зорким глазом, не надедали бы чего лишнего муж или сын.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.